

РАЗВОРОТ

РАЗГОВОРЧИКИ

Вызовы «эпохи предательства»

Столичные аналитики проанализировали опасности и возможности кризиса российской экономики

Татьяна Власенко

Выступление экономистов и аналитиков Михаила Хазина, Михаила Делягина и Сергея Переслегина, известных своими апокалиптическими прогнозами, стало финальной точкой краевого форума «Дни пермского бизнеса». Публику спикеры не разочаровали.

Они доказывали, что распад глобальной экономики — неизбежная реальность, что отечественные элиты никогда не соглашались на реформирование модели развития страны. Пригрозили, что кризис, который мы наблюдаем, — это «на поколения». Но прогнозы имеющихся и будущих несчастий делались с интонациями, которые свидетельствовали: не всё так страшно. Когда модератор мероприятия — вице-президент Пермской ТПП Елена Гилязова — попросила выступающих дать совет, как можно стимулировать рост региональной экономики, рекомендации не заставили себя долго ждать. Значит, конец света несколько отодвигается.

— **В китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов: опасность и возможность. Не стало ли это время для России периодом упущенных возможностей?**

Сергей Переслегин:

— Китайское прочтение термина «кризис» для меня не очень близко. Китай — страна с циклическим временем. Для неё кризис — это просто поворот из одной фазы в другую, которая является неизбежной и естественной.

Россия относится к странам другого типа: у нас время европейское. Для нас кризис — реальность. Кризис есть? Да. Он надолго? Он очень надолго. Он будет менять свои формы регулярно, поэтому скучно не будет. Он на поколение, если не на поколения.

В кризис всегда остаётся два сценария развития (правый и левый), значит, проще принимать правильные решения и трудно ошибиться. Правый — это когда руководство, отлично всё понимая, начинает принципиальные реформы, меняя ситуацию. Левый — когда ситуация меняется снизу. У нас 2017 год, и все помнят, 100-летие чего мы отмечаем. 100 лет тому назад руководство страны не поняло всей сложности ситуации, и её начали менять снизу.

Сейчас мы пытаемся выйти из кризиса через правый сценарий — систему реформирования. Но не забудьте — мы в России. Это означает, что все реформы идут невероятно медленно и, к сожалению, не так, как бы нам хотелось.

С другой стороны, говорить об упущенных возможностях я бы не стал.

Михаил Хазин

Движение в нужную сторону идёт. Но хватит ли времени для того, чтобы это движение возымело своё значение? Пока шансы 50 на 50, страна не гибнет, но и не спасается.

Михаил Делягин:

— Да, кризис — это возможность. Не любимый мною Герман Греф в 2008 году сказал гениальную вещь: «Для большинства это как на скорости 70 км в час врезаться в бетонную стену, и, если повезёт, можно две недели провести в больнице». Кризис — достаточно болезненная вещь.

Самый распространённый вопрос, который задают во всех аудиториях: когда кризис закончится? Он не закончится, потому что на самом деле это не кризис. Кризис — это переход в какое-то новое качество. Это значит просочиться сквозь игольное ушко, и за ним что-то откроется. Так вот, в нашем случае это не переход в новое качество. Это и есть само новое качество. Просто нам не нравится неизвестность, и мы от неё скрываемся. Неизвестность — это теперь нормальное состояние, по крайней мере на протяжении нашей с вами жизни.

Основные элементы кризиса таковы. Новые технологии меняют уже не только социальные отношения, но и самого человека, поведенческую и ценностную системы. Уже выросло поколение людей, которые абсолютно свободно, без всякого внешнего воздействия, принимают решения.

На глобальном рынке монополии загнивают. При помощи коммерциализации технологий, которые были созданы во время холодной войны, делается попытка повысить уровень потребления за счёт технологического развития. Она, на мой взгляд, провалилась. Потому что новые технологии сверхпроизводительны. Производительность растёт быстрее, чем ёмкость создаваемых ими рынков, и мы видим появление «лишних» людей, причём среднего класса развитых стран, которые слишком много потребляют и слишком мало

Сергей Переслегин

производят. В результате средний класс развитых стран исчезает, размывается. А это критическая часть мирового спроса. Экономика завтрашнего дня — это экономика без спроса. Большой привет рыночным отношениям.

Средний класс — символ и основа демократии. Политическое устройство завтрашнего дня — это не демократия, по крайней мере в традиционном, западном понимании этого слова.

И на этот фон накладывается российский кризис, который заключается в том, что с 1990-х годов государство представляет собой машинку для распила советского наследия. И ничего более. Сейчас жизнь этой машинки подходит к своему логическому завершению. Она пытается трансформироваться, ведь никто не хочет умирать. Это удивительно: паразит, который успешно питался 30 лет, пытается начать самостоятельную жизнь. Не потому, что он хороший и сознательный. А потому, что впереди смерть и он её видит.

Это не значит, что всё беспросветно. Есть много светлых пятен. Не только в информационных технологиях, но даже в сельском хозяйстве. Но это не более чем отдельные пятна. 30 лет войдут в историю не как время упущенных возможностей, а как время национального предательства.

Михаил Хазин:

— Есть замечательная фраза: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Не получится использовать существующие возможности, если вы не хотите их использовать. Если смотреть на картину нашего государства в ретроспективе, то оно, за небольшими исключениями, двигалось в рамках одной модели. Одни называют её либерально-рыночной, другие — консенсусом. Неважно. Важно то, что эта модель экономического роста больше не может функционировать. Причём нигде. Нигде в мире капитал сегодня не воспроизводится. Если он не воспроизводится, значит, не воспроизводится экономика.

Михаил Делягин

Почему никто не хочет думать о переходе к другой модели? Основная проблема: как только у вас появляется какой-то ресурс, появляется элитная группировка, которая этот ресурс обслуживает.

В модели «вашингтонского» консенсуса главным ресурсом были инвестиции. И на этом ресурсе и приватизации выросла современная российская элита. Эти люди категорически не хотят менять модель, потому что в этом случае им придётся уйти. И они со всех экранов непрерывно талдычат нам, что надо сделать так, чтобы пошли иностранные инвестиции. Но как можно убедить кого-то вкладывать деньги в ситуацию, которая даёт только убытки, я не знаю.

Сегодняшняя ситуация в России выглядит следующим образом. Существующая экономическая модель, которую защищает правительство и Центробанк, гарантированно будет давать 2,5–3% спада из года в год. Сейчас глава ЦБ Эльвира Набиуллина пытается ускорить этот спад, поскольку поддерживает завышенный курс рубля, чтобы обеспечить международным спекулянтам более эффективный вывод капитала из России с помощью операций carry trade.

Теоретически мы можем обеспечить в нашей стране 5–7% экономического роста в год как минимум на 20 лет. Но практической возможности не имеем, потому что это потребует революции в классическом смысле этого слова. То есть смены правящей элиты. Нынешняя не тянет, не понимает, но она будет цепляться за власть любой ценой.

Смена может быть либо снизу, либо сверху. Снизу в 100-летие революции никто этого делать не хочет. А сверху... Президент прекрасно понимает, что если начнёт что-то делать, то избежать ситуации «а-ля 1937 год» невозможно. Он этого не хочет и рассчитывает на какие-то внешние факторы, которые вынудят принимать решение.

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ